

Сюн Чжу и глазом не моргнул:

— Не стоит, говоришь? Тогда скажи-ка, за столько лет в поместье Ван ты хоть раз видела, чтобы кто-то из господ ел такой торт? Не боюсь сказать тебе прямо: это угощение — то самое, что в былые времена только члены императорской семьи могли себе позволить. Простому народу и мечтать не приходилось. Лишь особо отличившимся чиновникам император мог в день рождения пожаловать крошечный кусочек — и то это считалось высшей честью.

— Лжёшь! Если это и правда еда, достойная императора, то как вашей семье вообще удалось её сделать?

— Ха! — ответил Сюн Чжу спокойно, не моргнув и глазом. — А ты разве не знаешь, что та династия уже много лет как пала? Придворные повара были сосланы, и один из них оказался в нашей деревне. Фулан моего брата пожалел его, помог выжить, а тот в благодарность передал ему своё искусство.

Служанка из дома Ван смотрела на него с подозрением, не зная, верить или нет.

Сюн Чжу же явно терял терпение:

— Не хочешь покупать — не надо. Такое угощение я и не собирался тебе продавать. Недавно несколько сыновей из знатных семей сами сказали — как только что-то новое появится, сразу нести им, сколько бы ни стоило, всё выкупят. Я же только из-за того, что ты в тот день меня унизила, дурью маялся и пришёл к вам. А если подумать, этот торт вовсе и вам и не положен. Такую вещь, да дать попробовать вашей мисс? С чего бы это? Получится, будто вы просто так на ровном месте оказались в выигрыше. Нет уж, не годится! — с этими словами Сюн Чжу взялся за коромысло и сделал вид, будто собирается уходить.

Но слова его уже зацепили служанку — в её голове зашевелились мысли. Торт, и правда, был ей незнаком, и никто в доме, ни хозяйки, ни молодые господа, такого ещё не пробовали. Это само по себе означало: вещь редкая, не из тех, что валяются на каждом углу. А если никто из других девушек в поместье ещё этого не пробовал, а её госпоже достанется первой — какой это будет повод выделиться, затмить всех! Тогда и она, служанка, сразу поднимется в ее глазах.

Служанка, увлечённая собственными мыслями, вдруг крепко вцепилась в коромысло Сюн Чжу с сияющей улыбкой на лице:

— Да не торопись ты уходить, я же не говорила, что не буду покупать!

Сюн Чжу начал вырываться:

— Полегче! Не трясись — ещё повредишь. Я тебе не продам, уже передумал. Отдам кому-нибудь другому — не позволю тебе в хозяйском доме блистать. Это ведь всё против моей

первоначальной задумки выходит. Только что бес попутал, вот и притащился к вам, да ещё и хвастаться вздумал!

Но чем больше он отнекивался, тем сильнее служанка ощущала, что сама судьба дарует ей шанс. Она уже и не думала торговаться: вытащила из-за пазухи связку медных монет и швырнула ему в руки, а сама в тот же миг выхватила коробку с тортом и рванула в сторону поместья. Если бы не тот факт, что она заплатила, выглядело бы как самая настоящая кража.

— Ты что творишь?! Разве так можно?! Я же сказал — не продаю! Деньги-то точно все отдала? Ни одной монетой меньше, слышишь?!

Но служанка уже пересекла порог и, не оборачиваясь, выкрикнула:

— Не волнуйся, всё до последней монеты! Я эти деньги копила несколько месяцев, хотела купить румяна, да вот — достались тебе!

Сюн Чжу аж задохнулся от злости:

— Да не нужны мне такие барыши! Отдай мой торт обратно!

Служанка лишь показала ему язык:

— А вот и не отдам! Что ты мне сделаешь?! — и, вприпрыжку смеясь, унеслась внутрь. На вид ей было не больше пятнадцати-шестнадцати лет, и в этот момент она была самым настоящим ребёнком — шаловливым, взбалмошным, живым.

Сюн Чжу, глядя, как за ней захлопываются ворота дома Ван, поднял с земли рассыпавшиеся монеты, пересчитал — всё точно. Лицо его расплылось в хитрой, торжествующей улыбке. Хм! Да уж, вот тебе и ловушка!

— Цуй Лянь, чего ты носишься! Глянь, вся взмокла, волосы растрёпаны — ни вида, ни воспитания! Увидит тебя старая госпожа — посмотрим, как она тебя накажет! — донёсся с крыльца строгий голос.

Цуй Лянь и думать не стала о недовольном выражении лица своей госпожи — словно редкую драгоценность она с сияющей гордостью поставила торт на стол:

— Милая госпожа, посмотрите, какую редкость я для вас достала!

Хозяйка Цуй Лянь — седьмая молодая госпожа Ван, мельком взглянув на лакомство, сразу признала: вещица диковинная, а аромат и вовсе соблазнительный, сладкий, тягучий, манящий. Но у неё сейчас настроение было не то, чтобы лакомиться.

— Что это?

— Госпожа, это угощение называется «дангао», торт. Говорят, в прежней династии только сам император ел такое. Простые люди и не видывали, а если и министры желали попробовать — то только в награду за великие заслуги получали такой кусочек. Только после падения династии рецепты утекли в народ.

— Правда?

Служанка принялась поспешно кивать:

— Чистейшая правда!

— Живо принеси нож с вилкой, хочу попробовать.

В династии Юй блюда к чаю, приготовленные на огне, пользовались особенной популярностью, а ножи и вилки употреблялись наравне с палочками, давно уже не были редкостью и вовсе не считались заимствованием от заморских народов.

Но Цуй Лянь, досадливо нахмурившись, воскликнула:

— Госпожа, вы только не спешите! Вы забыли, из-за чего сейчас так раздражены? Разве не потому, что у старшей госпожи пропало настроение к еде, а шестая мисс приготовила блюдо по рецепту с родины своей матери, угодила ей и тем самым выделилась? А ведь это блюдо — такое, что кто угодно может повторить. А у нас с вами — вещь единственная! Такая редкость — только у вас в руках! Стоит старой госпоже попробовать и остаться довольной, и вы сразу выйдете на первый план.

Седьмая мисс только сейчас поняла, насколько верно подметила служанка — и, не теряя времени, поспешно подняла поднос с тортом и понесла угощение старой госпоже.

— Это и правда угощение для чиновников из прежней династии? — с недоверием спросила старая госпожа Ван.

— Совершенно точно, — заверила её седьмая мисс, с лёгкой кокетливостью прижавшись к ней. — Видя, как у вас в последние дни совсем нет аппетита, и мне самой еда не лезет, и сон пропал... Столько людей просила, столько усилий приложила — и вот, с трудом достала этот кусочек!

Старая госпожа Ван, конечно, сразу заметила, что внучка ни капельки не похудела — напротив, выглядела вполне упитанной, но уличать её не стала. Главное ведь — торт и правда благоухал чудесно. За свою долгую и обеспеченную жизнь она перепробовала немало изысков, но такого, что, по слухам, подавался только при дворе прежней династии, — не припомнила.

Она позволила слуге разрезать торт и отрезала себе кусочек. Стоило попробовать хоть глоток, как остановиться уже было невозможно — небеса! Какой вкус! Вся тяжесть, накопившаяся в душе за эти дни, будто сама собой растаяла, даже обиды на седьмую мисс за прежнюю холодность казались теперь пустяком — ведь именно она принесла такое блаженство.

Глядя, как старая госпожа ест кусок за куском с таким удовольствием, у седьмой мисс от зависти потекли слюнки. Она присела рядом и жалобно произнесла:

— Бабушка, вкусно, да? А то я смотрю, вы прямо наслаждаетесь... Мне самой так хотелось попробовать хоть кусочек. Я ведь всё вам спешила передать, даже не смогла откусить ни крошки...

Если бы торт принесла не она, старая госпожа ни за что бы с ней не поделилась. Но сейчас она только пробурчала:

— Только один кусочек, как договорились. Остальное оставь деду. Этот торт и впрямь достоин того, чтобы его ели одни императорские особы. Божественно вкусно!

Седьмая мисс всё же урвала кусочек — действительно, крошечный. От белоснежного крема, что покрывал верх торта, ей досталась лишь малая капля — бабушка и того пожалела. Но даже этот едва ощутимый вкус запал ей в душу так, что потом снился ей ночами. Она просыпалась в темноте с ощущением сладости на языке и тоской по той единственной ложечке.

— Цуй Лянь! Цуй Лянь! — позвала она, не в силах больше терпеть.

Служанка, потирая глаза, вошла из внешней комнаты, всё ещё сонная:

— Что случилось, госпожа?

— Завтра с утра пойдёшь и купишь мне торт. Только смотри — украдкой, чтобы никто не видел. Я больше так не могу, с ума схожу от желания. Всё из-за этой шестой сестры! Если бы не она со своей показной заботой, торт был бы целиком моим!

Цуй Лянь вмиг проснулась окончательно. Всё оказалось именно так, как она рассчитывала: по тому, с каким наслаждением старая госпожа ела, было ясно — дело верное. Скоро и она, Цуй Лянь, будет ходить по поместью с поднятой головой, и другие слуги станут смотреть на неё снизу вверх. А уж то, что седьмая мисс ещё и серебро ей всучила в благодарность — вообще лучше не придумашь.

— Не волнуйтесь, госпожа, я обязательно всё устрою. Завтра принесу вам торт, чего бы мне это ни стоило.

Тем временем Сюн Чжу вернулся в дом семьи Сюн, сияя как медный таз, и первым делом понёс вырученные деньги Тан Шоу.

— Невестка, я продал торт! Той самой служанке из дома Ван. Пусть запомнит, каково это — смеяться над деревенскими. Пусть теперь платит втридорога — назло ей!

Но Тан Шоу только покачал головой:

— Третий брат, а ведь вполне возможно, что ты ей только помог. Наш торт — вещь уникальная, никто такого ещё не пробовал. Если барышне из её дома понравилось, ей наверняка начнут больше доверять.

— Да это и не страшно, — усмехнулся Сюн Чжу. — Наш торт ведь дорогуший, захочет — продадим. Не даром же!

— То, что она сейчас попробовала, — её удача. Но это вовсе не значит, что в следующий раз получится. Когда торт станет популярным, я устрою ограниченные продажи. Будет уже не так-то просто его купить, — глаза у Тан Шоу засверкали, и в голосе зазвучало хитрое удовлетворение.

Сюн Чжу почесал в затылке, не понимая:

— Но, невестка, если можно заработать, почему не зарабатывать?

— Это и есть секрет, — с лукавой улыбкой ответил Тан Шоу. — Называется "маркетинг дефицита". Деньги со знатных семей добывать легче всего — стоит лишь правильно подойти.

Он и представить не мог, что торт взлетит быстрее, чем ожидалось. Но понимал одно: у всякой барышни в большом доме найдутся две-три близкие подруги, и стоит только одной попробовать что-то вкусное и редкое — по своей натуре, будь то желание похвастаться или искренне поделиться, — она обязательно даст попробовать другим. А уж если дело касается торта — тут сомнений нет, одна полюбит, вторая втянется, третья станет зависимой.

Вот тогда и нужен дефицит. Когда все только-только входят во вкус, он, наоборот, будет ограничивать доступ — чем сильнее хочется, тем острее жажда. Будет играть на этой тяге, дразнить, вызывать томление и нетерпение. То, что трудно достать, кажется ещё желаннее. И как только хоть одна барышня получит такой редкий кусочек — сразу захочет похвастаться, показать, что у неё есть то, чего нет у других. Так с молвой торт и разойдётся, как самый

желанный и самый труднодоступный. И тогда, чтобы казаться выше, богаче, знатнее — будут выстраиваться в очередь, держа в руках серебро и прося продать хоть кусочек.

И вот тут-то наступит черёд его нового замысла — зубной пасты. Тан Шоу, обдумывая свои шаги, всё больше радовался, глаза у него сузились от удовольствия, а сам он стал похож на маленькую хитрую, лукавую лису.

Неизвестно почему, но Сюн Чжу вдруг поёжился, будто мурашки по спине пробежали. Он смутно чувствовал: его второй брат страшен снаружи — глянешь раз, и сразу ясно, что лучше держаться подальше, из тех, кто навстречу идёт, а ты дорогу переходишь. А вот его невестка... ха! Тот всегда с улыбкой, мягкий да приветливый. Только вот как бы с ним не вышло хуже: обидишь его — и сам не поймёшь, в чём провинился, пока не начнёт болеть спина или бока, а когда поймёшь — уже поздно.

Цуй Лянь, уверенная в себе и своей удаче, с самого раннего утра караулила Сюн Чжу у ворот, намереваясь первой перехватить его с лотком. Но когда он наконец появился с коромыслом на плечах, в коробках не было и следа от желанного торта.

— А?.. Торт! Где торт?! Где торт моей госпожи?!

— Какой ещё торт «твоей госпожи»? — с презрением буркнул Сюн Чжу. — Торт — это дело рук моей невестки. И вообще, ты думаешь, его просто сделать? Он редкий, такой кусок за несколько дней только выходит, и ингредиенты — дорожущее дело.

— Так и быть, — с вызовом заявила Цуй Лянь, — прибавь к цене, сколько нужно, моя госпожа всё равно купит!

Сюн Чжу только усмехнулся. Невестка ведь сам ему говорил: пусть эти знатные семьи прибегут за их лакомствами, прижимая к груди серебро. И вот оно — сбылось.

— За деньги тоже не купишь, — небрежно бросил он, перекидывая коромысло на плечо. — Сейчас у невестки очередь на торт расписана на несколько дней вперёд. Хочешь — иди сама предоплату оставляй, когда дойдёт очередь — тогда и получишь. Не надейся, что я для тебя что-то украдкой вынесу. Уже раз дал тебе удачу — хватит!

Цуй Лянь ещё никогда не сталкивалась с таким заносчивым торговцем. Ну да, бегают он с этой своей ношей по деревням, трясётся с коробками — и вон как себя ведёт! Даже крупные торговцы с городского рынка, чтоб попасть в поместье Ван, вынуждены вымаливать позволение и предварительно договариваться. А тут — деревенщина, и дерзит!

— Да что в этом особенного?! — раздражённо бросила она, едва сдерживая злость.

А Сюн Чжу не стал ни спорить, ни оборачиваться. Перекинул коромысло, уверенно зашагал

вперёд, даже головы не повернул:

— Ничего особенного. Просто хочешь съесть — иди в очередь. — а походка у него была такая вызывающе самодовольная, что прямо кричала: «Провались ты со своей госпожой!» — сущий вызов.

Цуй Лянь от злости чуть не лопнула, затопала ножкой, гневно поджала ярко-красные губы, развернулась, бросила платочек на плечо и, важно покачивая бёдрами, отправилась обратно в поместье.

На ходу её заметил один из мальчишек-прислужников, подметавший двор:

— Кто это обидел нашу маленькую госпожу? Скажи, я пойду ему лицо начищу!

Цуй Лянь одарила его яростным взглядом:

— Не твоё дело меня дразнить!

А тем временем седьмая мисс Ван чуть ли не ухом к дверям прижалась. Едва услышала шаги, так не дождалась, пока Цуй Лянь войдёт, а сама выскочила навстречу. Такого приёма Цуй Лянь сроду не получала — уж она-то ожидала сейчас немного понаслаждаться, почувствовать себя особенной. Но не успела, как госпожа вперёд наклонилась, обошла её кругом, посмотрела сверху донизу, слева направо... и не нашла того, чего ждала.

— Где торт? Где ты его спрятала? — в голосе седьмой мисс зазвучала такая нетерпеливая жадность, что и следа не осталось от учтивости и сдержанности, какие полагаются девушке из знатного рода. Казалось, перед Цуй Лянь стояла не барышня, а простая деревенская девчонка, которая в жизни не видела ничего вкусного.

Но как раз потому, что седьмая мисс так жаждала угощения, Цуй Лянь и не смела сразу признаться, что торта у неё нет.

— Да что ты медлишь, — с нетерпением задергалась мисс, — ну где же ты его спрятала? Быстрей давай! Ты, наверное, нарочно тянешь. Я за ночь глаз не сомкнула — всё этот вкус чудился, и во сне, и наяву!

Цуй Лянь едва не заплакала, лицо у неё вытянулось, будто вот-вот разразится слезами:

— Госпожа... я... я не купила.

— Не купила?! — голос седьмой мисс взлетел на такие ноты, что, казалось, треснут оконные стёкла. Уши Цуй Лянь загудели, и ей страшно захотелось зажать их руками, но она не посмела,

только съёжилась, побледнела, почти в слёзы.

— Почему не купила? Ты же вчера сама уверяла, божилась, в грудь себя била, что всё устроишь, всё будет!

— Он... этот торговец, что с тортами, просто ужас какой важный! Сказал, если хочешь торт — иди к его невестке и становись в очередь. И что, мол, всё расписано на несколько дней вперёд.

Но седьмая мисс и слышать не хотела никаких оправданий. Она резко перебила:

— Тогда иди и встань в очередь!

— Что за крики? — вдруг раздалось снаружи. — Ещё с двора слышно твои вопли. Молодая госпожа, а ведёшь себя... ну куда это годится?

Вошёл глава дома Ван — дедушка седьмой мисс Ван, нынешний глава семьи.

При виде него седьмая мисс тут же сбросила с себя раздражение и нетерпение, опустила голову, смиренно поднялась и с самым кротким голосом, нежным до шелковистости, прошептала:

— Дедушка...

Если бы так себя повёл один из юных господ в доме, не миновать бы ему наказания. Но воспитывать девушек — дело хозяйки дома, а не его. Он не имел права вмешиваться и портить жене достоинство, потому лишь кивнул, прищурился — и решил сделать вид, будто ничего не было.

Сев в кресло, он кашлянул и, будто между прочим, спросил:

— Это... торт, который ты вчера принесла... где ты его достала?

<http://bllate.org/book/13592/1205351>